

пета я приступаю к своему второму опыту, в котором мне хочется усилить присутствие эпохи, во время которой проходило моё собирательство, а, по существу, и вся моя жизнь.

В предлагаемой книге, по сравнению с прежней, остался неизменным только первый рассказ о моих самых начальных шагах собирательства книг. Мы этот рассказ сохранили, имея в виду дать современному читателю некоторое представление о том времени жизни страны. Различные историки по-разному трактуют его характер и значение.

Мы же, приведя некоторые бытовые зарисовки, хотим помочь будущему читателю составить собственное мнение о том времени, в котором проходили детские годы автора. Надеемся, что читателю, независимо от того, собиратель он книг или нет, узнает из этого рассказа что-то новое для себя.

Детские годы автора

Не знаю, почему я полюбил чтение книг в раннем детстве. Я не написал бы этой довольно неуклюжей первой фразы, если бы родился в семье, где было много книг и тот достаток, который создавал бы условия их систематического приобретения для единственного и позднего сына. Этого не было. Мои отец и мать прожили совместно трудную жизнь среднего интеллигента все нелёгкие для Украины (Переяславль-Хмельницкий, Кременчуг, Одесса, Харьков) двадцатые и первую половину тридцатых годов

прошлого века. Юрист с незаконченным высшим образованием — отец, и преподавательница на фортепиано, окончившая Одесскую консерваторию, но никогда не работавшая по этой специальности — мать, жили бедно. Видимо также и в связи с неоднократными переменами места жительства и, возможно, какими-то ещё обстоятельствами к концу 1934 года, когда меня отправили в первый класс, в доме книг практически не было.

Тем не менее, как только я научился читать, меня неумолимо потянуло к чтению. Поэтому мой отец вынужден (какое плохое слово) был начать приобретать мне книги. Так как я учился хорошо, то поощрение мне «полагалось» почти каждый отрезок времени (я не пишу неделю, так как тогда была пятитдневка, т. е. четыре рабочих дня завершались пятым выходным, а потом шестидневка, т. е. пять рабочих дней завершались выходным днём), а счёт на недели (счёт царского времени) был «подарен» советскому народу только в 1940 году и выходной день стал седьмым. Возвращаясь в 1934-35 гг., я с отцом (или наоборот) шли в книжный магазин, и мне покупалась какая-нибудь книжка по моему желанию. Книг выходило тогда мало, выбор был небольшой, но начать создавать домашнюю мини-библиотеку было можно. Мне хотелось вспомнить и то обстоятельство, что уже тогда я любил читать свои книги, т. е. мне нравилось их приобретать.

Я никогда не обращался к психологам, чтобы они дали оценку этому явлению — нормальное ли оно? Но уже тогда, если мне хотелось прочесть какую-нибудь

книгу, и мне её предлагали для этого либо в школьной библиотеке, либо товарищи, то я, как правило, отказывался. Стремился приобрести такую книгу (купить или получить в подарок), и тогда я уже с удовольствием её читал.

Можно сказать, что, полюбив чтение, я полюбил и саму книгу, мне хотелось ею владеть, чтобы она всегда была у меня, как говорится, под руками. И это не расхожее выражение, мне действительно было приятно, чрезвычайно приятно держать любимую мне книгу в руках, прежде чем приступить к чтению, мне хотелось узнать её библиографию. Я обязательно начинал знакомиться с книгой не как с произведением определённого автора, а с так называемыми выходными данными: размером тиража, долго ли была в наборе в типографии, фамилией художника, если книга иллюстрирована и т.д.

Потом я смотрел комментарии, если они были, читал их достаточно внимательно, как бы самостоятельное произведение. Предисловие читалось не всегда. Мне казалось, что это предисловие, зачастую навязывающее мне чью-то точку зрения, становится между мной и автором, и я не получу полного удовлетворения от чтения новой книги.

В детстве мне даже нравилось болеть, потому что я оставался наедине с читаемой книгой, имел больше свободного времени для чтения. Мне казалось, да что казалось, я не сомневался, что книга мне поможет скорей выздороветь.

Из первых приобретений, сделанных мне отцом, я хорошо помню несколько книг. «Ревизор» Гоголя

в издании школьной библиотеки — очень дешёвое, хотя и в переплётке, скромное издание; потом Киплинга «Маугли», книгу хорошо изданную «Детгизом» в приличном красном переплёте; «Легенду об Уленшпигеле», ставшую вскоре моей любимой книгой тех лет и т. п. Так начала создаваться моя первая библиотека. Одна из моих тёток, видя моё такое пристрастие, подарила мне (наверное, я был уже в 3-м классе), собрание сочинений Л. Н. Толстого, изданное в качестве приложения к «Огоньку» в конце 20-х годов. Это были 24 книжечки в обложках с портретом Толстого. Именно в этом издании мне удалось познакомиться с «Войной и Миром». Впрочем, тогда я читал с большим интересом «Войну...». Ведь мне было только 12 лет.

К тому отрезку моей собирательской жизни относится такое событие, о котором я рассказываю с опаской, как бы не нашлись новые подражатели. Но в век компьютеров и Интернета, когда множество ребят этого возраста трудно оторвать от мониторов и дисплеев, если мне удастся некоторых из них увлечь на тот путь преступной деятельности, на который временно стал я, думаю, ничего плохого не будет. Я уверен, никакой Интернет не заменит книгу. Но ближе к делу. Однажды, я не знаю, как это сказать, в одном из карманов одной из одежд моих родителей я нашёл случайно ассигнацию — тридцатку, красные тридцать рублей с неизменным портретом Ленина. Что, значит, я нашёл и почему я шарил по карманам одежды, висевшей в раздевалке, я не помню. Зато хорошо помню первую же мысль, пришедшую мне

в голову: «Сколько же книжек можно купить на эти деньги».

У меня, наверное, закружилась голова от этой мысли, и я решил тридцатку временно не отдавать. Вспомнят ли мои родители? Прождав два-три месяца и увидев, что никакого беспокойства они не испытывают, я решил приступить к пополнению своей библиотеки. Накупил несколько книг, не очень удачных, что не удивительно, так как на несправедливые средства трудно сделать праведные дела.

Помню из них только одну — огромный однотомник А. М. Горького большого формата, в который входили «Детство», «В людях», «Мои университеты», «Мать» и несколько рассказов. Помню эту книгу хорошо и потому, что принести её в дом незаметно и поставить на полку небольшой ещё тогда этажерки было невозможно без объяснения, как она у меня появилась. Вот тогда мне пришла в голову следующая мысль: приближался день моего рождения, что если все книги, не помню сейчас сколько, я раздам моим друзьям, приглашённым на этот праздник, и они принесут их в качестве подарка, разумеется, наряду с другими подарками, то легальность возникновения этих книг у меня была бы обеспечена.

Всё шло как по маслу. Мои гости принесли мне купленные на тридцатку книги, я им был очень благодарен и поставил их на полку. И всё бы сошло, если бы не мама того парня, которому я поручил принести однотомник Горького, которая вечером пришла за ним, чтобы пойти с ним домой (дело было уже позднее), не спросила громко у своего сына: «Ты

не забыл отдать Алику (так меня звали в детстве и не только) его книгу?» Стоявший рядом мой отец, ничего ещё не подозревая, спросил: «Какую книгу?» Вот тут всё и выяснилось. Надо ли описывать, как был испорчен этот день моего рождения, кажется «тринадцатый». Мне досталось сильно и не только морально. Естественно, что больше в моей практике книжного собирательства такой способ не применялся.

В последующие годы перед Великой отечественной войной 1941 года моя библиотека пополнялась более традиционными способами. Естественно, что в связи с возрастом мои читательские интересы определялись, главным образом, приключенческим жанром. Тогда «Детиздат» стал выпускать библиотеку приключений и путешествий. Мне удалось купить лучшие романы Жюль Верна «Дети капитана Гранта», «80 тысяч километров под водой» и «Таинственный остров». Последний из этих романов я так полюбил, что, по-моему, знал его наизусть.

«Всадник без головы» Майн-Рида произвёл на меня такое впечатление, что частенько не давал мне спать ночью, особенно та его глава, где описываются ночные события, связанные с интригой этого увлекательного романа.

Мушкетёрские романы А. Дюма мне тоже очень нравились. Но в те годы купить их было практически невозможно, и я их читал взятыми в элитной для того времени библиотеке «Дома врача», да, был такой дом в те годы в Харькове. К сожалению, издаваемые тогда лучшие приключенческие романы и повести были написаны иностранными писателями, что оп-

ределило на ряд лет мой приоритет знаний иностранной литературы по сравнению с отечественной классикой, которую мы проходили по школьной программе и, видимо, недостаточно занимательно. А то, что кроме изданий советского времени, которые я приобретал и читал, есть ещё книги, изданные до революции, я просто тогда ещё не знал. Семь лет учёбы в школе мне этих знаний не дали, хотя я учился достаточно хорошо, т. е. в пяти классах из семи получал похвальные грамоты. Когда же были изданы приключенческие романы, написанные в советское время, то я, естественно, познакомился с ними. Из них на меня большое впечатление произвёл «Гиперboloид инженера Гарина» А. Н. Толстого. Эта книга заняла почётное место на моей этажерке. Впечатление было настолько сильным, что мы в компании нескольких сверстников 14 лет от роду решили построить свой гиперboloид. Создали чертежи конструкций и поехали на приём к главному инженеру Харьковского паровозостроительного завода (он находился ближе, чем тракторный, а других достойных мы не знали), который, как мы надеялись, поможет нам его построить. Будучи большими патриотами, а не быть ими в те годы пионеры не могли, мы, предвидя возможную войну, хотели как можно скорее построить столь грозное оружие. Главный инженер нас принял, внимательно и благожелательно выслушал, взял наши чертежи, по-моему, ни разу не улыбнувшись. Потом сказал, что он их передаст в свой конструкторский отдел для возможной дальнейшей проработки, а о результатах даст нам знать. На этом наша затея и закон-

чилась. Я же, чтобы не терять связи с полюбившейся мне книгой, стал излагать краткое её содержание в нескольких публикациях в стенной газете нашего пионерского отряда.

Если какому-либо читателю покажутся неискренними строки о патриотичности пионеров в 1940 году, то я хотел бы подчеркнуть, что вся массивная агитационно-пропагандистская работа в стране была направлена на это. И по радио (телевидения ещё не было) по несколько раз в день пелись песни типа «Зайка моя», а «Если завтра война, если завтра в поход». Был и кинофильм с таким же названием.

Так что войну мы ждали и готовились к ней, как видно и из моего рассказа. Не знали только, что она начнётся 22 июня 1941 года. Так как целью моих заметок являются книги, их собирательство, то, не описывая событий огромного исторического масштаба, потрясших всех без исключения людей нашей страны во второй половине 1941 года, скажу, что уже через три месяца после начала войны возникла угроза взятия немцами Харькова, и приходилось покидать родные места и отправляться, как это тогда называлось, в эвакуацию в восточные районы страны. Мои родители старались каким-либо образом отдалить крах их жизни, т. е. бросить всё, чем и для чего они жили, решили сначала отправить меня. И случай представился удачный. Рядом с нашим домом находился эвакогоспиталь, где лечили раненых солдат и офицеров, который должен был отправиться из города в числе первых. В нём работали несколько знакомых врачей, уже мобилизованных, и одной из них

разрешили взять с собой своего сына старше меня на год. Я эту семью хорошо знал, и родители решили, что будет просто счастьем, если меня удастся устроить в отправляемый госпиталь. Хочу заметить, госпиталь эвакуировался без раненых. Отправлялся личный состав — врачи, сёстры, санитары — и медицинская часть — оборудование, мебель, кровати, матрацы и т. п.

Я был уже достаточно высоким мальчиком и когда замполиту или помполиту госпиталя предложили взять меня с собой в качестве библиотекаря на общественных началах, то такое согласие было получено.

Хотя пункт назначения железнодорожного эшелона держался в строгой тайне, все работники знали, что госпиталь отправляют для последующего базирования в Ташкент, совсем далеко от линии фронта.

Так в 15 лет я уехал из дома. С собой я взял самое дорогое: комплект шахматных фигур, завёрнутых в наволочку (доска занимала бы много места в рюкзаке), квалификационный билет шахматиста 1 категории (наряду с книгами я несколько лет увлекался шахматами в Харьковском дворце пионеров и достиг некоторых успехов, которые мне были очень дороги), одну чашку с блюдцем из старинного сервиза, серебряную чайную ложку, толстую тетрадь с записанными сыгранными мною шахматными партиями в различных турнирах и матчах, однотомник Лермонтова и, конечно, «Гиперboloид инженера Гарина».

Мне кажется теперь занятым, почему я взял с собой Лермонтова, ведь у меня были и однотомники других русских писателей: Пушкина, Тургенева,

Чехова и т. д. Дело в том, что он был наименее объёмным и тяжёлым. Теперь то я знаю, что М. Ю. Лермонтов прожил короткую жизнь и для своих 27 лет написал достаточно на века, но не так много для одноклассника, не претендовавшего на какую-либо полноту собрания его сочинений. Так я с двумя книгами направился по дорогам своей судьбы.

Здесь может уместно сказать, что наш госпитальный эшелон отправился из Харькова в последних числах сентября и почему-то был задержан на узловой станции Основа (вблизи Харькова) на сутки, а потом срочно был отправлен не в Ташкент, как думали все, в том числе и мои родители, а в Тулу. Немцы прорвали фронт в районе Орла, наступая на Москву, и Высшее командование решило отправить наш госпиталь на помощь фронту, оборонявшему Москву. Можно ещё добавить, что 2-го октября мы проехали Орёл, а 3-го октября в него вступили немцы. Вот вам и поездка в мирный и далёкий Ташкент.

В 1939-м году «Воениздат» выпустил книгу известного историка Е. В. Тарле «Наполеон». Мне удалось её купить. Она мне так понравилась, что, прочитав её несколько раз, у меня на долгие годы остался интерес к личности французского императора и ко всей эпохе французской революции. Сильно сокращённого «Наполеона» в собственной обработке я тоже излагал в пионерской стенной газете. Так что можно сказать, что переложение «Гиперboloида инженера Гарина» и «Наполеона» были моими первыми «писательскими опытами». Моя активность в участии стенной газеты определялась также и той долей ответственности, ко-

тую я нёс за её систематический выход. Ведь я был тогда председателем совета пионерского отряда. Так, по-моему, называлась эта выборная должность.

После прочтения «Наполеона» я заинтересовался французской исторической литературой, но до войны мог купить и прочитать только роман В. Гюго «Девяносто третий».

Здесь можно и остановить воспоминания о детских годах книжного собирательства, так как в тот момент прервалось не только оно, но и закончилось детство.

Не книжные годы

После отъезда из Харькова наш состав, воински — эшелон, вместо Ташкента в первых числах октября 1941 года прибыл в город Тулу, где и должен был развёрнут наш эвакуогоспиталь. Примерно в течение десяти дней было найдено в городе здание, подходящее для медицинского учреждения хирургического направления, и работники госпиталя, в т. ч. и я, начали перевозить из вагонов, которые стояли всё это время на запасных путях тульской станции, и в которых мы жили, кровати и другое оборудование, необходимое для работы госпиталя.

Когда всё это было сделано и можно было принять раненых, наступило 16 октября — день серьёзного ухудшения положения на подмосковных фронтах, и нам поступило новое указание — вернуть срочно всё имущество в вагоны и отправляться в Саратов, что и

было выполнено. Хотя Тула оказалась для фашистов неприступной, но хорошо помню ужасные по своей интенсивности и последствиям почти непрерывные бомбёжки города. То, что нам пришлось пережить в Харькове по такому же поводу, показалось мне просто игрой. Наш эшелон, следующий в Саратов, ещё, наверное, в течение суток подвергался прицельному бомбардированию, но, слава Богу, без последствий.

По прибытию в Саратов в последних числах октября нас уже ждало здание для размещения госпиталя и адреса квартир, комнат, куда нас насильственно подсаляли к саратовским жителям. Тут, наконец, госпиталь заработал спустя почти два месяца после окончания работы в Харькове. Я получил возможность пробовать свои способности в области библиотечного дела. Надо сказать при этом, что книг не было. Их нужно собрать, найти у людей нашего общения. Я, естественно, сразу отдал своего Лермонтова и «Гиперболоид инженера Гарина», какие-то книги (не помню сейчас какие) мне удалось взять у хозяев квартиры, где мы жили. Несколько работников госпиталя, практически случайно взявших с собой книги, также отдали их в библиотеку.

По воле случая наше саратовское жилище находилось недалеко от областной библиотеки, и я отправился туда в надежде выпросить у них книги, которые они могли бы без ущерба отдать госпиталю. Переговоры были удачными, и несколько десятков книг, в основном русских классиков, нам в официальном порядке передали. На этом и кончилась моя книжная карьера 1941 года.